

МОВАЗНАЎСТВА І ДЫЯЛЕКТАЛОГІЯ

УДК 572

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБОБЩАЮЩИХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА

канд. филол. наук, доц. Е.А. ГАПАНОВИЧ

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Использование метода моделирования при раскрытии глубины бытийной сущности человека говорящего позволяет ответить на гипотетический вопрос, как происходит вербальная кодификация процесса обобщения и его результатов, а priori не существующего в природе. Рассматривается обобщение лица как один из способов категоризации окружающей действительности. Устанавливается, что понятийная идентификация и экзистенциальная коммуникация человека говорящего как существа разумного ориентированы на личностную ценностно-смысловую сферу, а не определяются только универсальными широкими смыслами. Обобщающие наименования лица указывают на человека как на единый именуемый референт, типичного представителя данного социума и обладателя лучших моральных и интеллектуальных качеств последнего. Личностный тезаурус, используемый в качестве языка бытия индивида, состоит из объективированных личностных смыслов, определяется отношениями иерархической координативности и логико-понятийной упорядоченностью между ними и устанавливает рамки для реализации экзистенциальной коммуникации.

Систематизация знаний об окружающей действительности предполагает многообразную по своим формам мыслительную деятельность, протекающую и развивающуюся в различных операциях и процессах, отражение которых обеспечивается языком и его разнородными семантическими структурами. И поскольку мысль движется от познания единичных предметов и явлений в их особенностях к познанию общего и одновременно от знания общего к познанию единичных, то именно познание общих и существенных качеств и свойств разного рода явлений и предметов мира приводит к раскрытию содержания логических понятий. Процесс обобщения как формализация знаний позволяет также раскрыть и найти различные связи и отношения, в которых предметы и явления находятся. Но мысль не отражает зеркально действительность, а моделирует ее через знаки. В природе же нет естественных обобщений, и посредством центрально-нервной системы, продукты деятельности которой лишь условно подобны естественным обобщениям и имеют соответствующие общие связи в пространстве-времени, взаимодействия природы, человек их воссоздает.

В связи с тем, что ментальность не существует вне сознания, и, следовательно, обобщение не реализуется вне субъекта, а порождается его измерением, некоторые лингвисты предлагают рассматривать в составе «языка мозга» упорядоченный словарный запас человека в качестве внутреннего лексикона человека говорящего. При этом ментальный лексикон приравнивается к концептуальной системе личности, единицами которой являются образы, схемы действий, гештальты, картины. Ментальное пространство человека говорящего представлено не просто словами, а именно единицами, привязанными к аналитической деятельности. В связи с этим целесообразно даже говорить не об отражении объективного внешнего мира, а его кодификации.

Бесспорно, языковая объективация концептосферы «Человек» привлекает внимание лингвистов давно, однако применение полевого подхода как частной методики системного анализа в исследовании ее семантической структуры как предметной области ограничило ее системное описание лишь выделением восьми *семантических примитивов*: физическое восприятие (семантический примитив «воспринимать»), физиологическое состояние (семантический примитив «ощущать»), физиологические реакции (семантического примитива нет), физические действия и деятельность (семантический примитив «делать»), желания (семантический примитив «хотеть»), мышление, интеллектуальная деятельность (семантический примитив «думать», «знать»), эмоции (семантический примитив «чувствовать»), речь (семантический примитив «говорить») [1, с. 37].

Сам субъект говорящий использует множество разнообразных способов категоризации при семантизации своего измерения.

Человек говорящий / *l'homme de paroles / Homo loquens*, являя собой общность языковой личности (для которой язык – предмет), коммуникативной личности (рассматривающая язык как процесс) и речевой личности (соотносится с языком как способностью), означает результаты и этапы познавательной деятельности, знания через язык, т.е. через речевые единицы, отражающие реальную действительность с одной стороны, а с другой – объективированно представляющие и кодифицирующие мыслительные формы – понятия, суждения, умозаключения. «Если мы вправе называть человека *homo sapiens*, то, прежде всего, потому, что он есть *homo loquens*» [2, с. 12].

Сама языковая личность – это модель, о сущности которой можно строить предположения и которую можно конструировать как концептуальную систему через «личностный тезаурус», соответствующий когнитивному уровню языковой личности [3, с. 52-53]. Именно личностный тезаурус позволяет фиксировать и лежит в основе представления личностных смыслов, которыми оперирует субъект познания в процессе мышления, т.е. языковая семантика и воспринимаемая человеком внеязыковая действительность выводятся на один когнитивный уровень и представляются обобщенными номинативными знаками [4, с. 87].

И если вся совокупность знаков тезауруса как субституты логических понятий развертывается из одной точки [5], то эта точка – Человек говорящий. Ср., например, положение Ю.С. Степанова о том, что «язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотносены с говорящим индивидом» [6, с. 50].

Существенно то, что человек говорящий систематизирует полученные знания об окружающем мире и хранит их не в виде списка или простой суммы исходных слов, а как словарь, в котором языковые знаки осознанно расположены по тематическому принципу, а между ними устанавливаются семантические отношения. Это свойство языка выступить орудием, средством упорядочения знаний об окружающей действительности тонко подметил В.Н. Манакин. «Язык – это Вселенная в алфавитном порядке», перефразировав мысль, высказанную французским писателем А. Франсом: «*Un dictionnaire, c'est tout l'univers par ordre alphabétique*» [7, с. 50].

В целом, с вышеизложенной концепцией относительно содержимого внутреннего лексикона нельзя не согласиться, но мы считаем, что способы упорядочения и устройство единиц тезауруса совсем иные, нежели на уровне лексикона, поскольку когнитивный уровень организации языковой личности включает знания, которые могут отличаться неоднородностью.

Существование строго упорядоченного личностного тезауруса свидетельствует об осмысленном языковом оформлении знаний, умений субъекта, которое необходимо для того, чтобы он был способен к выполнению любых форм и этапов мыслительной деятельности. Но вопрос о том, в соответствии с какими принципами организован тезаурус человека говорящего, до сих пор не имеет четкого ответа и носит гипотетический характер, поскольку проведенные в этом направлении исследования опираются только на анализ данных, содержащихся в печатных коллективных тезаурусах, толковых и этимологических, аналогических словарях в объективированном виде.

В отличие от лексикона, где связи между лингвистическими единицами однозначны и линейны, на когнитивном уровне преобладают не прямые отношения, а выводные и вероятностные зависимости. Они особенно важны в определении универсального характера тезауруса, для того чтобы он мог обеспечить необходимое условие взаимопонимания коммуникантов: люди могут вступать в общение с другими людьми при условии, что те воспринимают мир таким же образом. И если коллективный тезаурус – это «язык» процесса бытия и развития общества в целом, то личностный тезаурус – это язык бытия индивида, человека говорящего, который отражает его потенциал как коммуниканта. Такое осмысление значимости личностного тезауруса позволяет освоить новый способ опосредствования отражения и новых форм соотношения индивидуального и общественного сознания.

Следует признать, что цель настоящего исследования не состоит в том, чтобы «выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка» [8, с. 225] и тем самым реконструировать особенности французской ментальности, а, наоборот, раскрыть специфику языковой объективации неоднородного семантического пространства, формируемого значениями обобщающих номинативных знаков: слов, словосочетаний, высказываний – как семантических переменных, описывающих разные степени типологического обобщения, и находящихся в разных типах отношений (ансамблевых или мерологических) [9, с. 14].

Неравномерность знаний, представленных в тезаурусе, обусловлена стремлением субъекта познания, с одной стороны, к логико-понятийной упорядоченности, а с другой стороны, к иерархически-координативным, синтезирующим в информационных моделях значениям при помощи законов отношений, а не только при помощи генерализации, основанной на родовидовой абстракции.

МОВАЗНАЎСТВА І ДЫЯЛЕКТАЛОГІЯ

В свою очередь, сама концептуальная область¹ «Человек» структурируется и объединяет такие более частные понятия, как «Человек, как живое существо»; «Душа и разум»; «Человек, как общественное существо». Само перечисление подобластей происходит в том порядке, как конкретизируется номинальная идея: подразделение «Душа и разум» является посредствующим между «Человек как живое существо» и «Человек как общественное существо».

Очевидно, что данные тематические группы, их составляющие организованы в иерархическом порядке, что предполагает движение не только сверху-вниз, обусловленное родовидовым делением, но и отражают различные семантические отношения между словами языка.

Компоненты личностного тезауруса неоднородны, скорее всего, они разнородны, как само когнитивно-коммуникативное пространство человека говорящего: *homo sapiens* / *Человек Разумный* раскрывается через взаимосвязь *homo cogitans* / *Человек мыслящий, думающий, умеющий рассуждать и имеющий какое-то свое мнение* et *homo loquens*.

Сравним, например, иерархические – координативные отношения, устанавливаемые в номинативном поле предметной области «Человек»:

Человек		
Человек как существо (живое)	Человек как общественное существо	Душа и разум
homme ↔ femme ↔ enfant homme ↔ animal homme ↔ nature homme ↔ bête homme ↔ singe homme ↔ cheval homme ↔ officier homme ↔ artiste homme ↔ être homme ↔ chimpanzé homme ↔ chien homme ↔ marchandise homme ↔ machine homme ↔ chose	homme ↔ citoyen homme ↔ peuple homme ↔ société homme ↔ monde homme ↔ environnement homme ↔ terre homme ↔ matériel homme ↔ univers homme ↔ humanité homme ↔ nation	homme ↔ dieu homme ↔ idée homme ↔ ange

При координации номинаций «человек и общество / человек и мир / человек и человечество / человек и вселенная / человек и нация» устанавливаются классические иерархические метонимические отношения (целое и часть), а в диадах «человек и животное / человек и боги» мы выявляем антонимические связи, развитие и углубление которых приводит к своеобразным контекстуальным отношениям, устанавливаются новые отношения в антонимических рядах (например, противопоставлениям, таким как «человек и обезьяна / человек и собака / человек и ангел / человек и машина»).

Подобные противоречия отражают наше восприятие действительности не только во всей ее противоречивой сложности, но и взаимообусловленности: познать внутреннюю сущность человека невозможно без осмысления его связи с другими объектами познания. «Смыслы, ценности и знания вообще возникают из взаимосвязи и взаимодействия с опосредованной объективной действительностью, которая существует через построенные человеком смыслы» [10]. Заметим, что как только исключается участие человека в познании онтологических сущностей, противопоставления становятся семантически бессмысленными: невозможно представить иерархически-координативные отношения между номинативными знаками нация и шимпанзе, женщина и собака, собака и ангел, если только они находятся в «скабреном» контексте.

Логическая структуризация знаний и опыта человека говорящего «*l'homme de paroles*» предполагает многоуровневость речемыслительных операций, семантические основания которых раскрываются

¹ Ю.С. Степанов понимает под «концептуализирующей области (сферы) семиотические ряды концептов, являющиеся одновременно и фактами языка, и фактами культуры.

в языке априори, явялююцца сістэмай сінтэза, аналіза і абабшчэння номінацый рэалій дзейснасці і яго самаго як часты гэтага міра.

І калі значэнне любога языковага знака антрапоцэнтрычна, т.е. адражае абабшчаныя прыярытэты чалавечэскай прыроды, прызначана для чалавека, то сэнсавое прастранства чалавека гаворачага як савокупнасць асобных сэнсаў адрэдавае яго як тыпічнага прадставаітэля абабшчаныя людзей. Этымалагічна лексема *généralité* «абабшчаны значэнне» восходзіт к значэнню «абабшчаны людзей». Напрыклад,

«*L'ensemble des individus, des citoyens. « La puissance exécutrice ne peut appartenir à la généralité »* (Rousseau).

Отметим, что при соотношении с классом себе подобных человек говорящий как существо (*être humain considéré comme un être distinct des animaux et doué d'une spiritualité*), вид и часть природы (*l'espèce animale*) становится лицом / *personne*:

Être humain mâle adulte (взрослое живое существо мужского пола) → personne de ce sexe dépendant d'un autre (лицо этого пола, зависимое от другого) → personne de ce sexe qui convient pour la situation.

Несмотря на многообразие отношений человека говорящего как части объективной действительности, находящихся воплощение в языке, ведущее место в языковой системе категорий отражения занимает человек «как центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [11, с. 5]. С этих позиций лингвистические эмпирические и теоретические знания субъекта указывают на его онтологические способности к аналитической деятельности.

Обобщение номинативных знаков на категориальном уровне позволяет представлять некоторый класс индивидуальных объектов как единый именованный объект.

Основной процедурой обобщения является переход единичного референта в разряд гипотетических объектов, реальности в возможности.

Сравним:

Но местоимение *ты/ toi* не имеет конкретно-референтного статуса в:

Des comme toi, c'est pas souvent

Ecoute, c'est important...

Des gens comme ça, y'en n'a pas tant

Ecoute, c'est important.... (Celine Dion, Ne bouge pas)

Денотатом единственного «Ты» является совокупность субъектов ему подобных, что позволяет расширить его семантический объем до обобщающей номинации *des gens = les hommes en général (en parlant de personnes déterminées et, parfois, d'une seule personne)*.

В следующем высказывании:

Dans l'homme d'affaires, retrouver l'homme (L. Aragon, *Beaux quartiers*, 1936, p. 269). – В бизнесмене отыскать человека.

Единичная сущность *l'homme d'affaires* переходит в семантему более широкого объема, более широких смыслов в результате исключения дифференциальных признаков как частных, индивидуализирующих, и поэтому его можно интерпретировать как «любой бизнесмен должен иметь свойства, присутствующие в общем человеку».

В типовом представлении *человек/ homme* как лица обозначает «обладателя, носителя лучших моральных и интеллектуальных свойств как признаков «всего самого человеческого».

«Человек — это звучит гордо». М. Горький

Quel est le destin de l'homme ? Être un homme. – Быть человеком – это предназначение каждого человека.

Синонимические отношения между стимулом (*l'homme*) и идентификатором (*un homme*) свидетельствуют о категориальном единообразии: «Человек есть человек», т.е. лицо.

Личностный тезаурус, соотношенный с человеком говорящим как с лицом, является жестким каркасом, при помощи которого последний конституирует и воспроизводит свою идентичность, ограничивая производительную способность определенными правилами и процедурами, различными упорядоченными совокупностями навыков целесообразной деятельности, которые, в то же время, раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве, а также предлагают основные способы познания и общения, возможные в данной культуре и в данный момент истории.

МОВАЗНАЎСТВА І ДЫЯЛЕКТАЛОГІЯ

Сравним, обобщающие номинации человека как лица, как типичного представителя в **Человек с ружьем становится лицом избирательной кампании-2014. И просто лицом Украины.**
Или

L'électeur type des nationaux-populismes est un homme, appartenant aux milieux populaires, de faible niveau de qualification et d'éducation. Le Monde diplomatique.fr

Объективизация личностного смысла предполагает приспособление к стереотипным формам языкового выражения определенных значений [12, с. 354]. Отметим также употребление во французском языке в составе аналитических словоформ ряда нулевых семантических множителей² /семем: **gent / type / catégorie / nature / espèce / genre / personne / personnalité / lignée / côté / face / création / classe / race / famille / figure / sorte / génération**, способных представлять единицы номинативного поля концептуальной области «Человек», расширяя их более частный родовой признак *humain*, к которому они относятся в большинстве своем, до статуса категориального – лица / *personne*:

la gent écrivassière / gent écolière / la gent féminine;

la population étudiante / ouvrière / citadine / agricole;

personne adulte / personnes salariées / personnes actives / la personne mineure / personne du délinquant;

type nordique / type anthropologique / type narcissique;

catégorie benjamine / catégorie minime / catégorie junior / catégorie sénior / catégorie déshéritée / catégorie reine / catégorie socioprofessionnelle;

natures poétiques et mobiles / nature bestiale d'humain / nature d'élite / nature intelligente;

espèce intelligente / les gens de cette espèce de carcan / une espèce de Teverino mâle ou femelle;

famille littéraire / famille politique / famille commerçante / une famille plébéienne;

lignée croyante / lignées masculines;

figure féminine / figure maternelle / figure parentale / figure christique / figure masculine / figure plébéienne;

personnalité criminelle / des personnalités artistiques et intellectuelles / politique / personnalité féminine / personnalité civile;

le côté féminin / côté paternel;

génération militante / génération Internet.

Сравним, также:

Il [Ober]cherchait vainement dans quelles catégories il pourrait les classer; car il avait besoin de classer les gens, pour les comprendre. (Jean-Christophe, Romain Rolland) – Обер ломал себе голову, к каким бы категориям их отнести, ибо ему необходимо было классифицировать людей, чтобы понимать их. (Жан-Кристоф, Ромен Роллан),

где субъективная классификация людей необходима для понятийной идентификации самого человека говорящего, так как он стремится организовать ее не в соответствии с универсальными широкими смыслами, а исходя из личностной ценностно-смысловой сферы.

Для того чтобы раскрыть онтологическую сущность человека как существа разумного, необходимо смоделировать структуру его предметной области, представленную в виде совокупности объектов, их классов, связей между ними и правил вывода. Вербальное маркирование номинативными знаками неоднородного смыслового пространства человека говорящего предполагает как означивание указанных совокупностей с помощью слов, так и кодификацию их логико-понятийной упорядоченности и иерархической координативности. Обобщенное представление действительности отражает не только отношение между знаком и обозначенным им предметом или между знаком и мыслью, но и отношение между языковым знаком и субъектом, который с его помощью получает или передает, но и систематизирует свои знания. В номинативном поле концептуальной области «Человек» семема *лицо / personne* имеет статус категориального признака обобщающего наименования человека говорящего. При идентификации человека говорящего как «лица» он является единственным именуемым референтом, типичным представителем общества и обладателем лучших моральных и интеллектуальных качеств последнего. Личностный тезаурус, используемый в качестве языка бытия индивида, состоит из объективированных личностных смыслов и устанавливает рамки для реализации его экзистенциальной коммуникации.

² В «Частотном словаре семантических множителей русского языка» Ю.Н. Караулова под семантическими множителями понимаются «единицы содержательного плана, которые, соотносясь друг с другом в различных количествах и комбинациях, задают значения любого слова в языке» [13, с. 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37.
2. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – УРСС, Эдиториал, 2003. – 304 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
4. Шарафутдинова, Л.Ф. К проблеме метаязыка описания содержательных объектов языка и культуры / Л.Ф. Шарафутдинова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2010. – № 2 – С. 84 – 86
5. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 485с.
6. Степанов, Ю.С. Язык и метод к современной философии языка / Ю.С. Степанов. – Языки русской культуры. – М., 1998. – 784 с.
7. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – Киев: Знання, 2004. – 326 с.
8. Вежицка, А. Из книги «Семантические примитивы». Введение / А. Вежицка // Семиотика. – М., 1983. – С. 225 – 252.
9. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье; пер. с франц. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 368 с.
10. Плеханова, Т.Ф. Текст как диалог: моногр. / Т.Ф. Плеханова. – Минск: МГЛУ, 2002. – 253 с.
11. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
12. Левицкий, А.Э. Горизонты развития неологии XXI века / А.Э. Левицкий // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: сб. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 350 – 364.

УДК 81:316.642.3

ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ АДЗІНКІ З СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫМІ КАМПАНЕНТАМІ “БЕЛЫ” У БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ, АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ

магістр філал. навук В.А. ГЕМБІЦКАЯ-БОРТНІК, А.Ю. ВЫРВІЧ
 Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Наваполацк

Кожная мова мае сваю карціну свету, якая адлюстроўвае навакольны свет па-свойму, адрозна ад іншых моў. Менавіта моўная карціна свету абумоўлівае камунікатыўныя паводзіны, яна адлюстроўвае духоўныя каштоўнасці нацыі, выяўляе нацыянальныя асаблівасці. На матэрыяле фразеалагізмаў можна рэканструяваць пэўны нацыянальны светапогляд. Фразеалагізмы ствараліся на нейкім асацыятыўным фундаменце, але і самі застаюцца прыдатным матэрыялам для фарміравання асацыятыўных палеў у наступных пакаленнях носьбітаў той ці іншай мовы.

Белы колер у беларускай і рускай моўных карцінах свету – гэта прысутнасць святла, чорны – адсутнасць святла, што знаходзіць пацверджанне ў фразеалагічнай адзінцы “белы свет” і “белый свет” адпаведна. І ў беларускай, і ў рускай, і ў англійскай мове сустракаюцца фразеалагізмы, пабудаваныя на супрацьпастаўленні белага і чорнага (напрыклад, “рабіць з белага чорнае”, “делать из белого черное”, “call/make white black”; “prove/swear that black is white”; “чорным па белым”, “черным по белому”; “to see things in black and white” і гэтак далей).

Белы колер як асацыяцыя з чыстай працай выяўляецца ў наступных беларускіх, рускіх, англійскіх фразеалагізмах: “у белых пальчатках”; “white-collar”, “белыя рукі”, “белые руки”. Носьбіты беларускай, рускай і англійскай моў атаясамліваюць белы колер і з чысцінай духоўнай: “белая зайздрасць”, “белая зависть”, “whiter than white”, “a white lie”, “a white knight”.

Кожны чалавек мае свае ўласныя ўяўленні пра свет і пра месца чалавека ў гэтым свеце, пра ўзаемадзеянне чалавека і наваколля: адносіны чалавека і прыроды, чалавека і грамадства, адносіны з іншымі людзьмі. З гэтых уяўленняў складаецца карціна свету. Пад навуковай карцінай свету разумеюць «усю сукупнасць навуковых ведаў пра свет, выпрацаваную ўсімі прыватнымі навукамі на дадзеным этапе развіцця чалавечага грамадства» [1, с. 9]. Навуковая карціна свету ствараецца і выкарыстоўваецца вузкім колам людзей, паступова мяняецца такім чынам, каб адпавядаць удасканаленню навуковай думкі.

Моўная карціна свету суб’ектыўная, яе станаўленне адбылося на этапе станаўлення народа і яго мовы. Кожная мова мае сваю карціну свету, якая адлюстроўвае навакольны свет па-свойму, адрозна ад іншых моў. «Менавіта моўная карціна свету абумоўлівае камунікатыўныя паводзіны, разуменне знешняга і ўнутранага